

The Relationship Between Corruption and Quasi-Corruption Acts: Uzbekistan's Criminal Law Doctrine and Comparative Analysis

Guzalkhon NURMUKHAMMEDOVA¹

University of Public Security of the Republic of Uzbekistan

ARTICLE INFO

Article history:

Received April 2025
Received in revised form
15 May 2025
Accepted 25 May 2025
Available online
15 June 2025

Keywords:

corruption;
corruption crimes;
quasi-corruption crimes;
official crimes;
disciplinary offenses;
corruption-prone behavior;
comparative law;
Criminal Law of Uzbekistan;
international anti-
corruption conventions.

ABSTRACT

The article discusses the concepts and types of corruption acts and related offenses (so-called "quasi-corruption" acts). The criminal law doctrine of the Republic of Uzbekistan in the field of combating corruption is analyzed, including recent legislative novelties. A comparative legal analysis of the legislation of foreign countries – Belarus, Russia, Kazakhstan, Germany, France, Japan, China, Singapore, and Sweden – is conducted in terms of subjects, objects of attack, and sanctions for similar acts. International anti-corruption instruments (the UN Convention against Corruption 2003, the Council of Europe Convention 1999, the Inter-American Convention 1996) and their influence on the formation of the concept of corruption crimes are examined. Special attention is given to the distinction between categories: purely corruption crimes, quasi-corruption crimes, disciplinary offenses related to corruption, and corruption-prone behavior (borderline forms). Views of contemporary scholars (B.J. Akharov, K.R. Abdurasulova, I. Ismailov, M.Kh. Rustambaev, V.V. Luneev, A.I. Mizeriy, I.A. Savenko, etc.) on the essence of corruption and the criteria for distinguishing related offenses are presented. In conclusion, proposals for the improvement of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan are formulated – lists of crimes to be considered as corruption-related in both narrow and broad senses are defined, criteria for distinguishing them from other offenses are established, and changes and additions to the norms are recommended to address the identified gaps.

2181-1415/© 2025 in Science LLC.

DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol6-iss3-pp209-230>

This is an open access article under the Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>)

¹ PhD, Associate Professor, University of Public Security of the Republic of Uzbekistan.

Коррупцион ва квазикоррупцион қилмишларнинг ўзаро алоқадорлиги: Ўзбекистон жиноят-ҳуқуқий доктринаси ва қиёсий таҳлил

АННОТАЦИЯ

Калит сўзлар:

коррупция;
коррупцион жиноятлар;
квазикоррупцион
жиноятлар;
мансабдорлик
жиноятлари;
интизомий
ҳуқуқбузарликлар;
коррупциоген хулқ-атвор;
Ўзбекистон жиноят
ҳуқуқи;
халқаро антикоррупцион
шартномалар.

Мақолада коррупцион қилмишлар ва уларга яқин ҳуқуқбузарликлар (шунга ўхшаш «квазикоррупцион» қилмишлар) тушунчалари ва турлари кўриб чиқилган. Ўзбекистон Республикасининг коррупцияга қарши курашиш соҳасидаги жиноят-ҳуқуқий доктринаси, шу жумладан сўнгги қонунчилик янгиликлари таҳлил қилинган. Беларусь, Россия, Қозоғистон, Германия, Франция, Япония, Хитой, Сингапур ва Швеция давлатларининг коррупцияга доир ҳуқуқий тизимлари, уларнинг субъектлари, объекти ва шу турдаги қилмишларга бўлган санкциялар бўйича тақиқли таҳлил ўтказилган. Халқаро антикоррупцион шартномалар (2003 йилги БМТ Конвенцияси, 1999 йилги Европа Кенгаши Конвенцияси, 1996 йилги Межамерикан Конвенцияси) ва уларнинг коррупцион жиноятлар тушунчасини шакллантиришга таъсири кўриб чиқилган. Коррупцион жиноятлар, квазикоррупцион жиноятлар, коррупция билан боғлиқ дисциплинар ҳуқуқбузарликлар ва коррупциоген хулқ-атворни ажратиш бўйича таҳлил алоҳида эътибор берилган. Ҳуқуқшунос олимлар (Б.Ж.Ахраров, Қ.Р.Абдурасулова, И.Исмаилов, М.Х.Рустамбаев, В.В.Лунеев, А.И.Мизерий, И.А.Савенко ва бошқалар)нинг коррупциянинг моҳияти ва унга яқин ҳуқуқбузарликларни айириш мезонлари ҳақидаги фикрлари келтирилган. Хулоса сифатида Ўзбекистон Республикасининг Жиноят кодексини такомиллаштиришга доир таклифлар билдирилган – коррупцион жиноятларини аниқлаш учун кенг ва тор маънода бўлимлар, уларни бошқа ҳуқуқбузарликлардан айириб кўрсатиш мезонлари белгилаб берилди ва аниқланган бўшлиқларни тугатиш учун қонунларга ўзгартиш ва қўшимчалар киритиш таклиф қилинган.

Соотношение коррупционных и квазикоррупционных деяний: уголовно-правовая доктрина Узбекистана и сравнительный анализ

АННОТАЦИЯ

Ключевые слова:

коррупция;
коррупционные
преступления;
квазикоррупционные
преступления;

В статье рассмотрены понятия и виды коррупционных деяний и смежных правонарушений (так называемых «квазикоррупционных»). Проанализирована уголовно-правовая доктрина Республики Узбекистан в сфере борьбы с коррупцией, включая недавние законодательные

должностные
преступления;
дисциплинарные
правонарушения;
коррупциогенное
поведение;
сравнительное право;
Уголовное право
Узбекистана;
международные
антикоррупционные
конвенции.

новеллы. Проведен сравнительно-правовой анализ законодательства зарубежных стран – Беларуси, России, Казахстана, Германии, Франции, Японии, Китая, Сингапура и Швеции – в части субъектов, объектов посягательства и санкций за аналогичные деяния. Рассмотрены международные антикоррупционные акты (Конвенция ООН против коррупции 2003 г., Конвенция Совета Европы 1999 г., Межамериканская конвенция 1996 г.) и их влияние на формирование понятий коррупционных преступлений. Особое внимание уделено разграничению категорий: собственно коррупционные преступления, квазикоррупционные преступления, дисциплинарные правонарушения, связанные с коррупцией, и коррупциогенное поведение (пограничные формы). Приведены мнения современных учёных (Б.Ж.Ахраров, К.Р.Абдурасулова, И.Исмаилов, М.Х.Рустамбаев, В.В.Лунеев, А.И.Мизерий, И.А.Савенко и др.) о сущности коррупции и критериях отграничения смежных правонарушений. В заключении сформулированы предложения по совершенствованию УК Республики Узбекистан – определены перечни преступлений, предлагаемых считать коррупционными в узком и широком смысле, критерии отграничения их от иных посягательств, а также рекомендованы изменения и дополнения в нормы для устранения выявленных пробелов.

ВВЕДЕНИЕ

Коррупция традиционно рассматривается как одно из наиболее опасных социально-правовых явлений, подрывающее основы государственного управления, верховенства права и общественного доверия. **Коррупция** в законодательстве Узбекистана определяется как *«незаконное использование лицом своего должностного или служебного положения с целью получения материальной или нематериальной выгоды в личных интересах или в интересах иных лиц, а равно незаконное предоставление такой выгоды»*[1]. Несмотря на кажущуюся очевидность этого понятия, в теории и практике уголовного права остается дискуссионным вопрос о том, какие деяния следует относить к коррупционным, а какие – к смежным с ними «квазикоррупционным» правонарушениям. Также важным является разграничение собственно уголовно наказуемых коррупционных деяний от дисциплинарных проступков и иных форм коррупциогенного поведения, не всегда подпадающих под действие уголовного закона, но создающих почву для коррупции.

В уголовно-правовой доктрине Узбекистана и других государств складываются разные подходы к определению круга коррупционных преступлений. Отсутствие единого нормативного понимания этого термина долгое время затрудняло квалификацию преступлений и статистический учет. В новейшем уголовном законодательстве ряда стран, включая Узбекистан, предпринимаются попытки дать формальное определение и перечень коррупционных преступлений[2].

Цель данной работы – провести комплексный анализ соотношения коррупционных и квазикоррупционных деяний, обобщить критерии их разграничения в уголовно-правовой доктрине Узбекистана, а также выполнить сравнительно-правовой обзор законодательства перечисленных зарубежных стран и норм международного права. Задачи исследования включают: (1) уточнение понятий «коррупционные преступления» и «квазикоррупционные преступления» с позиции современной теории; (2) описание дисциплинарных правонарушений, связанных с коррупцией, и так называемого коррупциогенного поведения; (3) выявление общих черт и отличий в субъектах, объектах посягательства и санкциях за коррупционные правонарушения в Узбекистане и ряде зарубежных стран; (4) рассмотрение положений международных конвенций о противодействии коррупции, влияющих на национальные законодательства; (5) формулирование предложений по совершенствованию уголовного законодательства Узбекистана на основе проведенного анализа.

Актуальность исследования обусловлена потребностью в четких критериях квалификации коррупционных преступлений и их отграничения от иных правонарушений. Без научно обоснованной классификации сложно выработать эффективные меры профилактики, обеспечить неотвратимость и справедливость наказания. Работа опирается на труды отечественных и зарубежных исследователей коррупции, среди которых В.В.Лунеев, А.И.Мизерий, И.А.Савенко и др., а также на тексты международных договоров и национальных законов. Применены методы сравнительного права, системного и структурного анализа, формально-юридический метод и др.

Понятие и признаки коррупционных преступлений

Прежде чем разграничивать различные формы коррупционных и околокоррупционных деяний, необходимо определить, что понимать под **коррупционными преступлениями** в строгом смысле. В уголовном законодательстве Узбекистана до недавнего времени отсутствовало нормативное определение этого термина. Однако в теории выдвигались различные дефиниции. Так, А.И. Мизерий (Россия) отмечал, что **коррупция в широком смысле** – это сложное социальное явление разложения общества и государства, когда должностные лица используют свой статус и властные полномочия вопреки интересам службы для личного обогащения[3]. Иными словами, коррупция представляет собой своего рода сделку, при которой должностное лицо “продаёт” свои служебные полномочия в обмен на незаконное вознаграждение.

С уголовно-правовой точки зрения, коррупция проявляется в совокупности определенных преступлений. И.А. Савенко в своем исследовании предлагает рассматривать коррупцию как *«совокупность родственных видов деяний, а не как конкретный состав преступления»*, подчеркивая ее многогранный, системный характер. На основе этого подхода ею сформулировано определение **коррупционного преступления**. Согласно И.А. Савенко, *«под коррупционным преступлением следует понимать преступное общественно опасное деяние, непосредственно посягающее на авторитет или охраняемые законом интересы государственной власти, местного самоуправления, государственной и негосударственной службы, выражающееся в незаконном получении лицом, имеющим статус должностного лица либо выполняющим управленческие функции,*

каких-либо благ в личных или узкогрупповых интересах, при условии использования должностного (служебного) положения как составной части механизма преступления»[4]. Данное определение охватывает ключевые признаки: 1) субъект – специальный (должностное лицо публичного или частного сектора либо приравненное к нему лицо); 2) объект посягательства – авторитет государственной/муниципальной службы или законные интересы службы; 3) объективная сторона – незаконное получение выгоды (имущественной или иной) с использованием служебного положения; 4) цель – удовлетворение корыстного личного либо корпоративного интереса.

В узком (строгом) смысле к коррупционным традиционно относят прежде всего **взяточничество** во всех формах (получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве). Взятка представляет собой классический проявление коррупции – прямой обмен полномочий на вознаграждение. Кроме того, по мнению большинства ученых, понятие коррупции значительно шире взяточничества[5]. Оно включает и иные **должностные преступления корыстного характера**: злоупотребление властью, коммерческий подкуп, служебный подлог, хищения, совершенные путем злоупотребления должностным положением, и т.д. Общим для них является использование властных или управленческих функций в личных интересах, вопреки интересам службы.

Национальные законодательства по-разному определяют перечень коррупционных преступлений. Так, Закон Республики Казахстан «О противодействии коррупции» прямо указывает, что «*коррупционное правонарушение – это противоправное виновное деяние, имеющее признаки коррупции, за которое установлена административная или уголовная ответственность*»[6].

Согласно мнению Б.Д.Ахрарова, справедливо рассматривать его взгляды на совершение коррупционных преступлений должностными лицами. По мнению ученого, «...понятия должностных преступлений и коррупции имеют различное значение и между ними существует определенное различие. Коррупция представляет собой преступность, совершаемую должностными лицами с использованием их полномочий в сфере государственной власти или управления в целях личной выгоды. Коррупция характеризуется тем, что она возникает исключительно из полномочий должностных лиц, причем она связана с действиями исключительно представителей высших категорий должностных лиц и выражается в таких преступлениях, как взяточничество, злоупотребление служебным положением, выходящие за рамки их полномочий. Коррупция не включает в себя преступления, связанные с халатным отношением к должности, а также экологические преступления, совершаемые должностными лицами»[7]. Этот взгляд поддерживают И.Исмаилов, К.Р. Абдурасулова и другие исследователи[8].

В частности, К.Р. Абдурасулова определяет коррупцию как «совершение социально опасных деяний с использованием служебных полномочий или возможностей, связанных с выполнением государственных задач или аналогичных обязанностей, с целью достижения корыстных целей или личной выгоды (ответственность за эти деяния предусмотрена соответствующими статьями Уголовного кодекса Республики Узбекистан)»[9].

Также, как отмечают юристы-ученые, «...именно связь с властью является основным признаком, который позволяет говорить о коррупции»[10]. Кроме того, мнение о том, что должностные лица являются субъектами преступлений, связанных с коррупцией, поддерживают такие правоведы, как Х.Х. Мелиев, С.М. Будатаров, С.В.Максимов и другие[11-13].

Соответственно, в Казахстане **коррупционные деяния** подразделяются на уголовные преступления и административные проступки коррупционного характера. В Уголовном кодексе РК выделен специальный раздел “Преступления против интересов государственной службы и государственного управления”, включающий перечень коррупционных преступлений. Среди них не только взятки, но и злоупотребление должностными полномочиями (ст. 361 УК РК), превышение власти (ст. 362), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 364), воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 365), служебный подлог (ст. 369), бездействие по службе из корыстной заинтересованности (ст. 370) и др.. Например, ст. 361 УК РК устанавливает ответственность за использование должностным лицом своих полномочий вопреки интересам службы *«в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц... если это причинило существенный вред охраняемым интересам»*[14]. Этот признак – корыстная или личная заинтересованность при злоупотреблении властью – позволяет отнести деяние к коррупционным.

Объектом коррупционных преступлений выступают, как правило, интересы государственной службы, авторитет власти или иные публичные интересы, подрываемые продажностью должностных лиц. В некоторых случаях объектом могут быть и интересы частных организаций (например, при коммерческом подкупе – интересы здоровой конкуренции). Международные акты (UNCAS, Конвенция Совета Европы) исходят из необходимости охватывать понятием коррупционных деяний не только ущерб государству, но и коррупцию в частном секторе. Однако в национальных уголовных кодексах далеко не всегда все такие деяния собраны под единым понятием.

Субъектами коррупционных преступлений выступают специальные субъекты – должностные лица (различающиеся по определению в разных странах), а также лица, выполняющие управленческие функции. Например, в российском УК примечание к ст. 285 определяет должностных лиц как лиц, наделенных административно-хозяйственными или распорядительными функциями в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных или муниципальных учреждениях, а также в вооруженных силах или иных войсках. Аналогичные дефиниции есть в законодательстве Беларуси, Казахстана и Узбекистана. Многие страны расширяют круг субъектов коррупционных преступлений, приравнивая к публичным должностным лицам руководителей коммерческих организаций в случаях коммерческого подкупа. Например, уголовное законодательство Японии вводит термин “квазидолжностное лицо” для работников государственных компаний, банков, и даже частных лиц, выполняющих публично значимые функции – их коррупционные деяния караются наравне с коррупцией чиновников[15].

Наконец, **объективная сторона** классических коррупционных преступлений характеризуется действием (либо бездействием) по незаконному получению или

предоставлению выгоды, связанной с должностными полномочиями. Коррупционное деяние всегда предполагает использование служебного статуса **в обмен** на благо (имущество, деньги, услуги, преимущества). При злоупотреблении властью или превышении полномочий такая “сделка” может быть имплицитной – должностное лицо действует в интересах себя или третьих лиц, причиняя ущерб охраняемым интересам, то есть фактически обменивает общественные интересы на личные.

Таким образом, коррупционные преступления в строгом понимании – это совершенные специальными субъектами (должностными или приравненными лицами) умышленные деяния, в которых властные полномочия используются как «товар» для получения личной выгоды, в результате чего страдают публичные или корпоративные интересы. Данный вывод соответствует подходам современной доктрины: коррупция есть «сделка, при которой существует как минимум две стороны – берущий и дающий», и она всегда двусторонне порочна. В.В. Лунеев, крупный криминолог, подчеркивал всеобъемлющий характер коррупции, отмечая, что «*коррупция всеядна, всепроникающа и исключительно опасна для общества*»[5]. Он же вводит понятие политической коррупции – коррупционных форм борьбы за власть, нередко формально выходящих за рамки состава взяточничества. Это расширяет наше понимание коррупционных преступлений, включая посягательства на основы государственной власти (например, подкуп избирателей, депутатов, злоупотребление административным ресурсом).

Квазикоррупционные преступления и сопутствующие правонарушения

Помимо собственно коррупционных преступлений, уголовное законодательство выделяет составы, которые можно охарактеризовать как **квазикоррупционные**. Термин “квазикоррупционные преступления” в научный оборот вводится для обозначения правонарушений, близких по характеру к коррупции, но не содержащих всех ее признаков. Как правило, речь идет о деяниях должностных лиц, нарушающих интересы службы, однако совершаемых **без прямого вознаграждения** или иной “сделки” между взяточдателем и взяточполучателем. Тем не менее такие деяния создают обстановку, способствующую коррупции, или сами порождаются коррупционной мотивацией, и потому рассматриваются доктриной как смежные с коррупцией.

Примерами квазикоррупционных преступлений могут служить: **злоупотребление должностными полномочиями без непосредственной взятки, превышение власти, должностная халатность**, повлекшие серьезный ущерб, **незаконное участие чиновника в предпринимательской деятельности, конфликт интересов**, доведенный до преступного нарушения. В таких деяниях может отсутствовать факт передачи взятки, однако должностное лицо действует из личной заинтересованности или корпоративной выгоды. Например, если чиновник лоббирует интересы родственников или собственного бизнеса, превышая полномочия, либо умышленно бездействует, покрывая правонарушения, – налицо использование статуса вопреки интересам службы, хотя прямого подкупа нет.

Законодательства ряда стран прямо включают подобные составы в перечень коррупционных. Так, как отмечалось, УК Казахстана относит к коррупционным

преступлениям **незаконное участие в предпринимательстве** (ст. 364 УК РК) – когда должностное лицо учредило либо управляет коммерческой компанией, получая выгоды в обход запрета[14]. Это нарушение служебной этики становится уголовно наказуемым, хотя взятки как таковой может не быть. Аналогично, **служебная халатность** (например, ст. 370 УК РК – бездействие по службе) признается коррупционной, если совершена из корыстной или иной личной заинтересованности.

В то же время, не все юрисдикции относят подобные составы к коррупции. Термин "квазикоррупционные" скорее научный. В украинской доктрине, например, выделяют **"условно коррупционные"** и **"квазикоррупционные"** преступления – к первым относят деяния, которые по сути коррупционны, но формально не включены законодателем в перечень коррупционных, а ко вторым – преступления, близкие по характеру к коррупции (такие классификации обсуждаются в контексте реформ УК Украины)[16]. Так, в одном из исследований предложено считать *квазикоррупционными* преступлениями незаконное обогащение, декларирование ложной информации о доходах, некоторые виды мошенничества и злоупотреблений[17]. Например, **незаконное обогащение** – приобретение чиновником активов, явно не соответствующих его законным доходам – прямо указано как квазикоррупционное деяние в украинских источниках. Действительно, незаконное обогащение (как отдельный состав) не предполагает акта взяточничества, но его наличие свидетельствует о скрытой коррупции. Многие страны (в том числе Узбекистан на текущий момент) не имеют статьи за незаконное обогащение, однако вводят административную обязанность декларировать доходы, нарушение которой карается дисциплинарно.

Еще один пример квазикоррупционного преступления – **торговля влиянием**. Это деяние, когда лицо (не обязательно чиновник) продает свое влияние на принятие решений должностными лицами. Международные конвенции (например, Ст.12 Конвенции Совета Европы 1999 г.) рекомендуют криминализировать торговлю влиянием. Франция, например, ввела уголовную ответственность за **trafic d'influence** (торговлю влиянием) наряду с взяточничеством. В УК РФ близкого состава нет, хотя обсуждалось. Торговлю влиянием можно назвать "псевдокоррупцией", поскольку есть платёж за неправомерное воздействие, но отсутствует прямое злоупотребление полномочиями со стороны публичного должностного лица (вместо него действует посредник со связями). Тем не менее, по сути, это коррупционная сделка, и во многих странах она признана преступлением (Франция, Испания, ряд др. европейских государств).

Таким образом, **квазикоррупционные преступления** – это уголовно наказуемые деяния, близкие к коррупции по механизму и мотивам, но отличающиеся отсутствием непосредственного двустороннего обмена «власть на вознаграждение». Они наносят сходящийся ущерб – подрывают доверие к власти, нарушают нормы службы, влекут выгоду для нарушителя или третьих лиц. Многие из них во внутренних классификациях правоохранительных органов учитываются как коррупционные или как преступления коррупционной направленности. Например, прокуратура Узбекистана относит к коррупционным

правонарушениям также случаи мошенничества с использованием служебного положения, должностной подлог, злоупотребление властью и др. [18].

Следует, однако, отличать такие преступления от обычных должностных проступков и дисциплинарных нарушений. Ключевой критерий – **наличие корыстного мотива или иной личной заинтересованности**. Если должностное злоупотребление совершается из корысти, ради выгоды – оно приближается к коррупции и фактически становится ее частью. Если же, напротив, имеет место халатность по небрежности либо превышение власти по иным мотивам (например, превысил полномочия из служебного рвения, но без корысти) – это не коррупция, а иная категория правонарушения.

Подводя итог, можно предложить следующий подход: **коррупционные преступления в узком смысле** – это деяния, где незаконная выгода является непосредственной целью должностного лица (взятка, хищение имущества через служебное положение и т.д.); **квазикоррупционные преступления** – деяния должностных лиц, формально не охватывающие обмена “услуга за вознаграждение”, но обусловленные личной выгодой или иной заинтересованностью, сопряженные со злоупотреблением служебным статусом. Эта категория охватывает, в частности, злоупотребления властью из корысти, конфликты интересов, выраженные в уголовно наказуемых действиях, торговлю влиянием, незаконное обогащение и др. Отграничение их иногда условно, и зависит от законодательной техники конкретной страны.

Дисциплинарные правонарушения, связанные с коррупцией

Не всякое коррупционное поведение влечет уголовную ответственность. Существует широкий пласт **правонарушений, связанных с коррупцией**, за которые установлена дисциплинарная или административная ответственность. Как правило, это нарушения специальных антикоррупционных запретов, предусмотренных законами о государственной службе, о противодействии коррупции, этическими кодексами. Они не достигают степени общественной опасности, необходимой для квалификации как преступления, но порочат госслужбу и требуют реагирования.

К таким деяниям относятся: **конфликт интересов**, не урегулированный должностным лицом; **нарушение требований финансовой прозрачности** (непредставление или искажение сведений о доходах и имуществе); **нарушение запретов на совмещение должностей или бизнеса; принятие подарков, превышающих установленную стоимость; служебное соответствие (кумовство, протекция) при кадровых решениях** и т.п. Например, законодательство Узбекистана (Закон “О противодействии коррупции”) обязывает госслужащих уведомлять о случаях обращения к ним с коррупционными предложениями, вводит требования по урегулированию конфликта интересов, ограничивает подарки и иные вознаграждения [1]. Несоблюдение этих норм само по себе не всегда уголовно наказуемо, но влечет дисциплинарные взыскания, вплоть до увольнения. Так, получение подарка стоимостью выше допустимого может повлечь освобождение от должности, хотя преступлением (взяткой) это не считается, если не доказана встречная услуга.

Во многих странах существуют специальные составы административных правонарушений, квалифицирующих мелкие проявления коррупции. К примеру, в

законодательстве Сингапура и Гонконга за **необъяснимое обогащение госслужащего** может следовать конфискация и увольнение, хотя уголовное дело возбуждается при доказанности конкретного факта взятки. В Казахстане и Узбекистане коммерческий подкуп сначала рассматривается как административный проступок (если сумма небольшая), и лишь повторное привлечение переводит его в ранг уголовного преступления[19]. Приведенный пример: предложение вознаграждения сотруднику негосударственной организации (т.е. коммерческий подкуп) в Узбекистане сначала наказывается штрафом по КоАП[20], а после административного взыскания – квалифицируется как уголовное деяние. Это демонстрирует разграничение по степени общественной опасности.

Коррупционные дисциплинарные проступки зачастую выявляются внутренними инспекциями или антикоррупционными уполномоченными в ведомствах. Например, несообщение о конфликте интересов, пользование служебным транспортом в личных целях, покровительство родственникам при найме – все это основания для дисциплинарных мер. Такие деяния можно назвать “пограничными формами” коррупционного поведения: они не уголовные преступления, но создают **коррупциогенную среду**.

Законодательства Беларуси, России, Казахстана, Узбекистана содержат подробные перечни ограничений для государственных служащих. За их нарушение следуют дисциплинарные взыскания вплоть до увольнения “в связи с утратой доверия” (формулировка, используемая, например, в России и Казахстане). Конвенция ООН против коррупции (2003) особо подчеркивает превентивные меры: каждое государство должно внедрять кодексы поведения, требовать от должностных лиц декларирования активов, устанавливать конфликты интересов и др. (ст.7–8 UNCAC). Выполнение этих норм чаще обеспечивается именно внеуголовными мерами, что не умаляет их важности.

Следует отметить, что грань между дисциплинарным коррупционным проступком и уголовным преступлением иногда весьма тонка. Критерий – степень общественного вреда и наличие прямого умысла на получение неправомерной выгоды. Например, если чиновник просто не сообщил о возможном конфликте интересов – это дисциплинарное нарушение. Но если он, имея конфликт интересов, принял решение в пользу связанной компании и получил за это вознаграждение – это уже коррупционное преступление (взятка или злоупотребление полномочиями). Практика требует чётких регламентов, чтобы переводить соответствующие случаи в плоскость уголовного преследования, когда собрана достаточная доказательственная база.

Обобщая, **дисциплинарные правонарушения, связанные с коррупцией** – это действия или бездействие должностных лиц, нарушающие установленные запреты и ограничения, направленные на предупреждение коррупции. Они характеризуются меньшей степенью опасности, отсутствием явно выраженного состава преступления, но требуют реагирования ради поддержания чистоты государственной службы. Эффективная антикоррупционная политика предполагает неизбежность наказания и за такие проступки – как меру профилактики более тяжких преступлений. В заключительной части работы будут

предложены меры по совершенствованию законодательства, в том числе касательно ответственности за коррупционные дисциплинарные проступки.

Коррупциогенное поведение: пограничные формы

Термин «**коррупциогенное поведение**» в доктрине описывает такие социальные практики и индивидуальные действия, которые сами по себе не наказуемы, но способствуют возникновению и распространению коррупции. Это своего рода *пограничные формы* – еще не правонарушения, но уже отклонение от этического стандарта, создающее риск коррупции. Различие тонкое: коррупциогенное поведение может предшествовать правонарушению или сопровождать его, оставаясь вне сферы прямого юридического запрета.

Примерами коррупциогенного поведения являются: **неформальные подарки и услуги** чиновникам “из благодарности” без требования; **блат и кумовство** – продвижение по службе или распределение благ по принципу родственных/дружеских связей, даже если это не нарушает прямого запрета; **оказание протекций**, телефонное право – когда высокопоставленное лицо не дает прямых незаконных указаний, но намекает на предпочтительное решение; **непрозрачность решений**, сокрытие информации об осуществлении функций, что само по себе может быть легальным, но создает атмосферу безответственности. Все эти явления не всегда подпадают под нормы права, однако они снижают уровень управленческой культуры и подготавливают почву для коррупции.

В международных актах используется понятие «*коррупциогенные факторы*» применительно к нормативным актам – положения законов, порождающие условия для коррупции. Но в широком смысле коррупциогенное можно отнести и к поведению индивидов. Например, **конфликт интересов** до стадии правонарушения: сам факт, что чиновник имеет личную заинтересованность в решении, еще не преступление и не проступок, если он вовремя заявлен, но это коррупциогенная ситуация. Если же он скрыт – уже дисциплинарный проступок, а если повлек выгоду – преступление.

Некоторые виды *коррупциогенного поведения* характерны для определенной корпоративной культуры. В одних странах принят обмен мелкими подарками между партнерами, чиновниками – что повышает толерантность к взяткам. В других – строгие ограничения. Например, в Швеции любое дарение госслужащему расценивается крайне отрицательно, а в Японии традиция подарков сильна, и закон вынужден терпимо относиться к недорогим знакам внимания, хотя проводит границу по стоимости. Когда неформальные практики (подарки, услуги) проникают в сферу госуправления, они способны перерасти в систему взяточничества.

Также коррупциогенно **несоответствие уровня жизни доходам** должностного лица. Само по себе роскошное потребление чиновника не незаконно, но очевидный разрыв между официальными доходами и расходами формирует подозрение и на практике часто означает наличие скрытой коррупции. Некоторые страны (Сингапур, Китай) требуют от чиновников подробно отчитываться об имуществе и образе жизни; выявление роскоши сверх средств рассматривается как повод для проверки и может трактоваться как доказательство коррупции. В Сингапуре, в частности, даже подача недостоверной

декларации рассматривается как признак коррумпированности, что может повлечь увольнение или расследование[21]. Таким образом, борьба с коррупциогенным поведением может вестись через контроль за расходами и прозрачность активов.

Еще один аспект – **толерантность общества к коррупции**. Если взятки воспринимаются как обыденность (“смазка” для системы), то само это отношение – коррупциогенный фактор. *Формирование нулевой терпимости* к любым проявлениям коррупции – важная задача, отмеченная в антикоррупционных стратегиях (например, Стратегия РК 2015–2025 прямо провозглашает курс на “атмосферу нулевой толерантности” к коррупции). Коррупциогенным поведением, с этой точки зрения, можно назвать и мелкое подношение врачу или учителю – общество должно осознавать, что подобное “благодарение” ведет к разложению системы, хотя и не подпадает под УК.

Итак, **коррупциогенное поведение** – это любое действие или бездействие, отклоняющееся от принципов добросовестности и объективности в публичной сфере, которое создает предпосылки для коррупции. Борьба с такими проявлениями лежит преимущественно вне плоскости уголовного наказания – через воспитание, кодексы этики, внутренний контроль. Поэтому предотвращение даже “мягких” проявлений – существенная часть антикоррупционной политики.

В Республике Узбекистан на уровне законодательства закреплены меры профилактики коррупциогенного поведения: антикоррупционная экспертиза нормативных актов (выявление норм, создающих лазейки)[1], процедуры урегулирования конфликта интересов(Закон «О противодействии коррупции», ст.20-21), повышение правовой культуры и этики госслужащих (Закон «О противодействии коррупции», ст.16)[1]. Все эти меры направлены на изменение поведения до того, как оно перерастет в правонарушение. При этом грань остается: пока не нарушен закон – нет юридической ответственности, но есть моральная и организационная ответственность. Например, чиновник может быть **уволен** за утрату доверия, если систематически допускает действия, компрометирующие службу, хотя формально преступления нет. Такая практика имеется в Беларуси, России, Казахстане.

В контексте разграничения понятий, коррупциогенное поведение стоит воспринимать как *предварительную стадию* или *сопутствующее явление* коррупции, не образующую самостоятельного состава преступления. Его описание важно для полноты картины: вырабатывая предложения о законодательных изменениях, следует учитывать, какие пробелы в регулировании позволяют коррупциогенным практикам закрепляться.

Сравнительно-правовой анализ: зарубежный опыт и законодательство

В данном разделе приведен сравнительный обзор законодательного регулирования ответственности за коррупционные и смежные с ними деяния в обозначенных странах. Сравнение проводится по ключевым параметрам: **круг преступлений**, признаваемых коррупционными; **субъектный состав** (кто может быть виновным); **объект** (какие ценности охраняются нормой); и **санкции**. Результаты сравнения сведены в таблицах и комментариях.

Перечень коррупционных преступлений в законодательстве

Страны СНГ (Беларусь, Россия, Казахстан, Узбекистан). Законодательства этих государств во многом схожи (наследие советской системы плюс имплементация международных требований). В России и Беларуси прямо не дано определение “коррупционное преступление” в УК, но действует специальный Закон о борьбе с коррупцией, где коррупция определена через злоупотребление властью для выгоды. Россия включает в перечни коррупционных (для учета и специальных мер) примерно 20 составов УК РФ, в том числе: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285), превышение полномочий (286) – при корыстном мотиве; получение и дача взятки (290, 291); посредничество во взяточничестве (291¹); мелкое взяточничество (291²); коммерческий подкуп (204) и посредничество в нем; присвоение/растрата с использованием служебного положения (160 ч.3); незаконное предпринимательство через полномочия (289) и др. Беларусь имеет аналогичный набор статей (гл.35 УК РБ “Преступления против интересов службы”) и также относит их к коррупционным согласно Закону РБ “О борьбе с коррупцией”. Казахстан, как отмечалось, детально регламентирует – вплоть до препятствия бизнесу (ст. 365 УК РК).

Таким образом, **в странах СНГ коррупционные преступления охватывают не только взяточничество, но и ряд “квазикоррупционных” служебных злоупотреблений.** Законодательная тенденция – включение максимального перечня: например, дополнение статей о мошенничестве с использованием служебных полномочий (Узбекистан ввел ст.168 ч.4 как квалификацию мошенничества при должностном положении в 2023 г.). Это делается для усиления ответственности, хотя границы размываются – почти любое преступление, где фигурирует должностное положение, объявляется “связанным с коррупцией”.

Германия. В немецком Уголовном кодексе (StGB) нет термина “коррупционное преступление”, но есть глава о преступлениях должностных лиц: §§331–338 StGB – преступления против службы (получение преимуществ, взяточничество и т.д.), а также §299 – коммерческий подкуп (в частном секторе). К классическим коррупционным деяниям относятся: **прием вознаграждения за исполнение служебных обязанностей без конкретной услуги** (§331, называется “принятие преимуществ”) – до 3 лет лишения свободы; **взяточничество** – получение вознаграждения за определенное действие по службе (§332, “взяточничество”) – до 5 лет или в тяжких случаях до 10 лет; зеркальные статьи для дачи взятки чиновнику (§333, §334) – активная коррупция; а также отдельный состав **подкупа депутатов** (§108e). Торговля влиянием как таковая отдельно не выделена, но может попадать под соучастие. Примечательно, что **злоупотребление властью без взятки** (например, превышение полномочий) в Германии рассматривается скорее как дисциплинарное или должностное преступление, но не уголовное – специально статьи за это нет, хотя если злоупотребление привело к нарушению прав, могут быть статьи о принуждении или причинении вреда. Таким образом, Германия придерживается более узкого уголовно-правового подхода: **коррупция = взятка (пассивная/активная)**, прочие же служебные проступки решаются другими средствами. Законодательство Германии, в соответствии с международными обязательствами, карает также **подкуп иностранных должностных лиц** (через расширение понятия должностного лица) и **коммерческий подкуп** (§299 StGB, наказание до 3 лет). Объектом здесь выступает

общественная доверие к беспристрастности публичной службы или честной конкуренции (для §299).

Франция. Французский Уголовный кодекс (Code Pénal) имеет разветвленную систему составов: **коррупция публичных должностных лиц** (активная и пассивная) – ст.433-1, 432-11 и др.; **торговля влиянием** (trafic d'influence) – ст.433-2, 432-11-2; **незаконное участие в принятии интереса** (prise illégale d'intérêts) – ст.432-12 (когда должностное лицо принимает решение в ситуации, где у него есть личный интерес; наказание до 5 лет); **присвоение публичных фондов** (détournement) – ст.432-15; **фаворитизм** (atteinte à l'égalité des marchés publics – нарушение равенства при госзакупках) – отдельная статья административно-уголовного характера. Коррупция в частном секторе – ст.445-1 и 445-2 (активная/пассивная). Таким образом, Франция расширяет понятие коррупции на многие квазикоррупционные деяния: конфликт интересов, фаворитизм прямо криминализированы как отдельные преступления, хотя они могут не включать взятку. Санкции во Франции высоки: за пассивную коррупцию должностного лица – до 10 лет лишения свободы и штраф до 1 млн евро или в двукратном размере выгоды[21]. За торговлю влиянием – до 5 лет и штраф.

Швеция. Шведское право долгое время подходило мягче: до 2012 года наказания были умеренными, взяточничеством считались только тяжкие случаи. Однако под влиянием конвенций Швеция ужесточила закон. Сейчас получение или дача взятки (Mutbrott) карается лишением свободы до 2 лет, а в тяжких случаях – до 6 лет[21]. Закон охватывает и частный сектор. Другие служебные злоупотребления (например, служебная халатность) – не считаются коррупцией и могут караться дисциплинарно или по статьям о злоупотреблении властью (более административно).

Япония. Как указано выше, в Японии коррупция также в узком уголовном смысле – это взяточничество должностных лиц. Ст.197 УК Японии устанавливает до 5 лет тюрьмы для чиновника за взятку, ст.198 – до 3 лет для дающего[15]. При отягчающих (вымогательство взятки, крупный размер) – до 7 лет. Примечательно, что в Японии только взяткополучатель (чиновник) считается субъектом преступления по УК, а взяткодателю грозит более мягкое наказание или даже освобождение, если добровольно заявил (эта особенность смягчена поправками по требованию ОЭСР, но принцип все еще в разнице санкций: получатель – до 7 лет, дающий – до 3 лет). Иных составов коррупции, кроме как взятка, УК не содержит. Однако закон “О предотвращении недобросовестных сделок” предусматривает наказание за подкуп иностранных должностных лиц (через отдельный закон о недобросовестной конкуренции). Таким образом, Япония придерживается довольно узкого перечня уголовных коррупционных деяний, опираясь на жесткие административные стандарты для остального (конфликты интересов и др. строго регламентируются, но обычно вне УК).

Китай. Законодательство Китая чрезвычайно сурово и охватывает широкий спектр. Коррупционные преступления включают: **взятки** (получение, дача – ст.385, 389 УК КНР), **хищение/присвоение государственных средств** (ст.382 – часто расценивается как коррупция), **злоупотребление должностными полномочиями** (ст.397, если привело к тяжелым последствиям), **служебный подлог** (ст.404). За получение взятки свыше определенного крупного размера

предусмотрено вплоть до **пожизненного лишения свободы или смертной казни**. В 2016 г. в Китае введена шкала наказаний: свыше ¥3 млн (~\$500 тыс) взятка может караться смертной казнью. Уже факт требования взятки официальным лицом при отягчающих может влечь смертную казнь, даже если сумма не получена[21]. Это уникально строго. Кроме того, Китай активно привлекает за **“серая коррупция”** – чиновников наказывают даже за роскошный образ жизни, азартные игры, что классифицируется как “стиль нездоровой жизни” и ведет к партийным взысканиям, а часто и уголовным делам. Таким образом, понятие коррупции в Китае шире формального состава – фактически любое недолжное поведение чиновника может повлечь санкции.

Сингапур. Как уже отмечено, Сингапур считается эталоном низкой коррупции. Закон о предотвращении коррупции 1960 г. (с поправками) охватывает *любое лицо*, дающее или получающее *“gratification”* (выгоду) как взятку. Это относится к чиновникам, бизнесменам – формального разделения нет. Субъект – любой, но чаще применяется к публичному и корпоративному сектору. Санкция сравнительно невысокая – до 5 лет тюрьмы (в особых случаях 7 лет), штраф до 100 тыс. SGD. Однако не стоит считать мягкостью: в Сингапуре почти неизбежно тюремное заключение реальное даже за небольшую взятку (например, \$100). Там также действует принцип, что если чиновник живет не по средствам и не может обосновать источник средств, то это само по себе преступление – *“proof of corruption”* презюмируется. Поэтому сфера дисциплинарных проступков минимальна – многое сразу переводится в уголовную плоскость, но при этом раскрываемость и профилактика на высоте, случаев мало.

Субъект и объект: сравнение подходов

Субъекты. В большинстве анализируемых стран субъект пассивной коррупции – должностное лицо (public official). Отличия в определении:

- В **Узбекистане, России, Беларуси, Казахстане** определения сходны (должностное лицо – постоянный или временный представитель власти, либо выполняющий организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в госорганах, а равно в ряде случаев – в иных организациях). Кроме того, к ним приравниваются должностные лица иностранных государств и международных организаций (выполняя требования конвенций).

- В **Германии** используется понятие Amtsträger (носитель власти) – охватывает чиновников, судей, солдат бундесвера, и т.п., а также особо “уполномоченных” лиц.

- **Франция** оперирует термином personne dépositaire de l'autorité publique или chargée d'un service public – тоже довольно широко (включает не только чиновников, но и, например, врачей госпиталей, директоров государственных предприятий).

- **Япония** четко ограничивает круг “публичных должностных лиц” по закону, включая также членов парламента, местных собраний, судей и т.д.. Частные лица не являются субъектами получения взятки, но могут стать “quasi-public officials” если исполняют публичные функции (например, сотрудники корпораций, выполняющих госзаказ).

- **Сингапур и Швеция** фактически не требуют специального субъекта – у них взятку может получить и “агент” частной фирмы; но практическое различие между взяткой частного и публичного секторов учитывается при назначении наказания.

Объект (предмет охраны). Во всех странах коррупционные преступления посягают на **нормальную деятельность публичной службы, правосудия или предпринимательства**. В формулировках УК СНГ обычно: “интересы службы” или “авторитет государственной власти”. В европейских: “принципы беспристрастности и законности должностной деятельности”. Например, в Швеции объект – общественное доверие; в Германии – общественная администрация. Китай прямо указывает – госинтересы и соцстрой. Различия невелики: всюду понимается, что коррупция подрывает доверие к власти и справедливость решений.

Включение частного сектора. Интересно отметить, какие страны считают **коррупцией деяния в частных компаниях**. UNCAC это рекомендует, но не все внедрили:

- **Германия** – есть §299 (подкуп в деловых отношениях), считается экономическим преступлением, а не против госвласти.
- **Франция** – да, статьи 445-1/2 УК, наказание до 5 лет.
- **Швеция** – объединено с общими нормами, применяется и к частным служащим.

- **Россия/Беларусь/Узбекистан** – есть отдельный состав “коммерческий подкуп” (ст.204 УК РФ, ст.234 УК РБ, ст.192[^]9 УК РУз и др.), он рассматривается формально как преступление в сфере экономики, но с точки зрения сути – коррупция в частном секторе. В Узбекистане, как мы видели, коммерческий подкуп вообще сначала административный проступок.

Включение частного сектора важно, так как **квазикоррупционные деяния** часто проявляются именно там: например, менеджер фирмы получает “откат” – это коррупция, хотя не госслужба. Многие страны теперь это преследуют, но не все. Япония, к примеру, *не* считает взятку в частной фирме уголовным преступлением (это регулируется Законом о борьбе с недобросовестной конкуренцией, больше как гражданско-правовое нарушение). Сингапур наоборот – не делает различий: любые агенты.

Итак, сравнительный анализ показывает: **в постсоветских странах** понятие коррупционных преступлений достаточно широкое (включает различные формы злоупотреблений властью), законодательно закреплено (кроме РФ, где хотя списка нет, но по практике – аналогично). **В странах Запада** традиционно узкое определение (взятка), однако последние десятилетия добавляются смежные составы (торговля влиянием, конфликт интересов – во Франции, подкуп в частном секторе – в большинстве европейских стран). **В государствах Азии** подходы разнятся: Китай – максимально всеобъемлюще и жестко; Япония – узко и относительно умеренно; Сингапур – узко, но строгая практика и превенция.

Следует отметить еще аспект: **ответственность юридических лиц**. В Сингапуре, Франции, Швеции – компании могут штрафоваться за коррупцию (вплоть до ликвидации). В России, Узбекистане – только административные штрафы предусмотрены законами о коррупции для организаций, но не уголовные.

Заключение

В заключении обобщим основные выводы и внесем предложения по совершенствованию уголовного законодательства Республики Узбекистан с учетом проведенного анализа.

1. Разграничение понятий и составов. Коррупционные преступления в строгом смысле следует отграничивать от иных посягательств по двум главным критериям: **корыстная цель/выгода** и **использование служебного положения**. Если оба признака налицо – деяние относится к коррупционным в узком понимании. Это охватывает не только прямое взяточничество, но и злоупотребления властью, служебные подлоги, хищения, совершенные должностным лицом из корысти. В расширительном смысле (как комплексное социальное явление) коррупция включает также “пограничные” преступления и проступки – случаи злоупотреблений без прямой взятки, но порожденные личной заинтересованностью. Для ясности правоприменения предлагается законодательное закрепление в УК **определения “коррупционного преступления”** – по аналогии с опытом последних поправок. Можно опираться на формулировку, данную И.А. Савенко: преступление, посягающее на авторитет госвласти/службы и связанное с незаконным обретением благ должностным лицом через использование своего положения[4]. В примечании к соответствующей главе УК это определение поможет точно отнести или не отнести конкретный состав к коррупционному.

2. Перечень коррупционных преступлений (узкий и широкий). В строгом смысле к **коррупционным** целесообразно относить:

- получение, дачу взятки, посредничество во взяточничестве;
- коммерческий подкуп (после полного криминализования, без разделения на адм./уголовн.);
- злоупотребление властью или должностными полномочиями (при корыстной или иной личной мотивации);
- превышение власти (если совершено из личной заинтересованности);
- должностной подлог (совершаемый с целью выгоды или прикрытия иных коррупц. действий);
- хищения, растраты, мошенничество, если совершены должностным лицом с использованием служебного положения (квалифицированные составы);
- незаконное участие должностных лиц в предпринимательской деятельности;
- незаконное обогащение (при введении данного состава).

Другие преступления должностных лиц, не содержащие корыстного мотива (например, халатность без выгоды, злоупотребление властью из иных побуждений) – к коррупционным относить не следует, их природа иная. Таким образом, **коррупционные преступления в узком смысле** – это корыстно-должностные посягательства.

3. Квазикоррупционные преступления. Эту категорию имеет смысл использовать в научном и прикладном плане для обозначения преступлений, близких к коррупции по механизму, но формально самостоятельных. К ним можно отнести:

- Деяния должностных лиц, нарушающие служебные обязанности, с причинением вреда государственным или общественным интересам, **без прямой материальной выгоды**, но из иных личных интересов (например, протекционизм в пользу родственных или политических связей). Это может охватываться существующими статьями (злоупотребление властью без корысти – ст.205 ч.1 УК, превышение полномочий – ст.206).

- **Конфликт интересов**, доведенный до принятия неправомерного решения. Предложение: ввести отдельную норму (в КоАП или УК) о ответственности за умышленное непринятие мер по урегулированию конфликта интересов, если это повлекло выгоду связанным лицам. В ряде стран такой состав существует на административном уровне.

- **Подстрекательство к коррупции со стороны частных лиц**, не достигшее стадии передачи взятки (напрямую может квалифицироваться как покушение на дачу взятки либо как посредничество – это уже имеется).

- **Торговля влиянием** – рекомендуется для имплементации Конвенции Совета Европы. Ввести статью за посредничество, обещание повлиять на решение должностного лица за вознаграждение. Это закроет лазейку, когда взятка маскируется под “консультационные услуги” влиятельных лиц.

В целом, **разграничение** коррупционных и квазикоррупционных преступлений базируется на наличии/отсутствии двусторонней коррумпированной сделки. Если сделка есть – это коррупция, если должностное злоупотребление одностороннее (без взяткодателя) – можно считать “квазикоррупцией”. Однако для практики важно все такие деяния жестко пресекать. Потому в Узбекистане оправдано сохранение расширительного списка коррупционных преступлений, но с внутренней дифференциацией поотягчающему признаку “корыстный умысел” (что уже сделано, напр., в ст.205, 208, 209 УК).

4. Дисциплинарные проступки и коррупциогенное поведение. В УК регулировать эти аспекты прямо не требуется, однако предлагается:

- Расширить применение мер уголовно-правового характера к тем правонарушениям, которые сейчас отнесены лишь к дисциплинарным, но при этом наносят существенный вред. Например, за **систематическое грубое нарушение антикоррупционных запретов** госслужащим (в части подарков, непредставления сведений о доходах) можно установить административную ответственность с повышенными штрафами и публичным освещением, что повысит дисциплинирующий эффект.

- Внести изменения в Закон “О противодействии коррупции” и закон о государственной службе, чтобы четко очертить перечень коррупциогенных поведенческих проявлений и обеспечить их профилактику (это вне УК, но важно для целостности системы). Например, прямо отнести к коррупциогенным: необоснованное взаимодействие чиновника с бывшими коллегами-лоббистами (требует “period of abstention” после увольнения), семейственность при подборе кадров (установить процедуры конкурсов, исключаящих кумовство).

5. Предложения по изменению УК РУз. Учитывая сравнительное изучение, рекомендуются следующие конкретные поправки:

- **Введение самостоятельного состава “Незаконное обогащение”** должностного лица. Следуя ст.20 UNCAC и опыту многих стран (например, Казахстан ранее в КоАП, Китай – в УК), установить ответственность, если у должностного лица выявлены активы, значительно превышающие законные доходы, и он не доказал их происхождение. Это будет эффективным инструментом против скрытой коррупции. Санкция – штраф крупный или лишение свободы, с конфискацией необъясненных активов.

- **Криминализация “торговли влиянием”.** Ввести статью, наказывающую лицо, которое за вознаграждение обещает воздействовать на решение того или иного органа или чиновника. Субъектом может быть любое лицо. Такая норма перекроет схемы, где взятка передается не напрямую, а через “решалу”.

- **Устранение пробела с коммерческим подкупом.** Сделать коммерческий подкуп (ст. УК, если таковой будет введен, либо ст.192⁹ КоАП) полностью уголовно наказуемым, понизив при этом, возможно, пороги сумм для дифференциации. Опыт показывает, что административная преюдиция затрудняет борьбу (взятодатели легко избегают уголовной ответственности, прикрываясь “первый раз – административка”). Лучше предусмотреть в УК минимальный состав “мелкого коммерческого подкупа” с мягким наказанием, но ввести в уголовное поле.

- **Уточнение составов злоупотребления и превышения.** Сейчас ст.205, 206 УК уже дифференцированы по мотиву. Следует сохранять такую дифференциацию: например, злоупотребление властью без корысти (наказание меньше) vs. то же с корыстью (как коррупционное – наказание строже). Аналогично, возможно ввести часть 2 в ст.206 (превышение) с признаком корыстной заинтересованности, если пока нет.

- **Увеличение ответственности юридических лиц.** Ввести в КоАП Узбекистана (или в УК особенную главу, если пойдут на это) нормы о штрафных санкциях к предприятиям за коррупционные правонарушения. Например, штраф в размере стоимости выгоды, полученной от коррупции, умноженной на 2. Это реализует принцип, что компании должны отвечать за взятки, данные их сотрудниками.

6. Практические меры разграничения. Помимо норм права, важно методическое обеспечение. Необходимо разработать разъяснения Пленума Верховного суда (или обновить) по квалификации коррупционных преступлений, где:

- Четко указать, какие признаки указывают на корыстную цель (например, получение имущественной выгоды не только лично, но и для дружественных лиц – тоже корыстный мотив).

- Привести примеры отграничения взятки от подарка, взятки от мошенничества и т.п. Учет иностранного опыта (как в Германии – различают “принятие благодарности” и “взятку за действие”).

- Дать критерии, когда должностное преступление следует квалифицировать как совокупность с коррупцией. Например, если чиновник, злоупотребляя, совершил хищение – его действия квалифицируются и как злоупотребление, и как хищение (позиция, уже отраженная в разъяснениях).

В результате такого комплексного подхода – уточнения законодательства и практических разъяснений – станет возможным более четко отделять **коррупционные преступления** от иных злоупотреблений. Это, в свою очередь, повысит эффективность правоприменения и статистического учета, позволит сконцентрировать усилия правоохранительных органов на действительно коррупционных проявлениях.

Коррупция – многоуровневое негативное явление, требующее разностороннего ответа. Уголовный закон – это крайняя мера. Далеко не все коррупционные проявления целесообразно криминализировать: как показывает мировой опыт, избыточная криминализация не всегда ведет к искоренению проблемы, важнее неотвратимость и неизбежность наказания в сочетании с профилактикой. Однако четкая юридическая дифференциация понятий “коррупционные преступления”, “квазикоррупционные преступления”, “дисциплинарные коррупционные проступки” и “коррупциогенное поведение” поможет выстроить систему противодействия, в которой каждому деянию соответствует адекватная мера.

Для Узбекистана, ведущего активную антикоррупционную реформу, актуально продолжать сближение с международными стандартами: ратифицировать (в перспективе) Конвенцию Совета Европы 1999 г., учесть рекомендации ГРЕКО, перенимать лучший опыт (например, Сингапура – по финансовому контролю; Швеции – по формированию культуры нетерпимости; Китая – по неизбежности сурового наказания для крупных взяточников с пожизненным запретом занимать должности). Уже предпринятые шаги – ужесточение санкций, введение понятия коррупционных преступлений – создают прочную базу. Далее стоит сфокусироваться на практической реализации: обеспечить, чтобы ни одно корыстное злоупотребление властью не осталось безнаказанным, даже если оно проявилось в “квазикоррупционной” форме.

Подводя итог, можно констатировать: современная уголовно-правовая доктрина воспринимает коррупцию не узко (как единичный состав), а системно – как группу взаимосвязанных преступлений и проступков, требующих целостного подхода. В рамках такого подхода предложенные изменения УК РУз направлены на закрепление терминологии, устранение пробелов (незаконное обогащение, торговля влиянием), дифференциацию ответственности и гармонизацию с международными нормами. Эти меры в сочетании с усилением институтов профилактики и общественного контроля будут способствовать постепенному снижению уровня коррупции и укреплению принципов законности в Республике Узбекистан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Закон Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» от 03.01.2017 г. № ЗРУ-419 // Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2017 г., № 1, ст. 2; Национальная база данных законодательства, 16.01.2019 г., № 03/19/516/2484; 24.05.2019 г., № 03/19/542/317, 2019 г., № 2, ст. 47; 19.11.2021 г., № 03/21/729/1064; 09.08.2023 г., № 03/23/860/0571; 05.06.2024 г., № 03/24/931/0402; 26.02.2025 г., № 03/25/1038/0188 // <https://lex.uz/ru/docs/3088013>

2. В Узбекистане ужесточат уголовную ответственность за коррупционные преступления — список // uznews.uz
3. Мизерии А. И. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с коррупцией в органах власти : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Александр Иванович Мизерии. – Нижний Новгород, 2000. – 275 с.
4. Савенко И. А. Коррупционные преступления и меры их предупреждения (на материалах Краснодарского края): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Савенко Ирина Алексеевна. — СПб., 2006. — 235 с.
5. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. - М.: Волтерс Клувер, 2005. - С. 122.
6. См.: Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 года № 410-V «О противодействии коррупции» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.05.2025г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33478302
7. Ахраров Б.Д. Ҳокимият ёки мансаб ваколатини суиистеъмол қилиш жинояти учун жиноий жавобгарлик. — Тошкент: Тошкент давлат юридик институти, 2005. — 128 с.
8. Криминология. Махсус қисм: Дарслик / И.Исмаилов, Қ.Р.Абдурасулова, ва бошқалар. – Т.: Ўзбекистон Республикаси ИИВ Академияси, 2015 – 393 б.
9. Абдурасулова Қ., Қурбонов О. Коррупция: Асосий тушунча ва шакллари (рисола). – Т.: Фалсафа ва ҳуқуқ институти, 2009. – Б. 60.
10. Зуфаров Р., Ахраров Б., Мирзаев У. Коррупция. Қонун. Жавобгарлик. – Т.: ТДЮИ, 2011. – Б. 163.
11. Мелиев Х.Х. Коррупциявий жиноятчилик ва унга қарши курашишнинг криминологик чоралари: дис. ... PhD: 12.00.15 / Мелиев Худоёр Хуррамович; Тошкент давлат юридик университети. – Тошкент, 2024. – 151 с.
12. Будатаров С.М. Понятие коррупции в российском законодательстве и юридической литературе // Право. 2012. № 1. С. 106–110.
13. Максимов С.В: Коррупционная преступность в России: правовая оценка, источники развития, меры борьбы II Проблемы, борьбы с коррупцией. М., 1999гС. 147.
14. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.05.2025 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252
15. Latham & Watkins LLP – “Bribery & Corruption – Japan” (2018) – наказуемость взяточничества в Японии: до 7 лет получателю, до 3 лет дающему, конфискация взятки [aplawjapan.com](https://www.aplawjapan.com)
16. A.Vozniuk. Corruption Related Criminal Offenses: Conceptual Issues in the Context of Reforming the Criminal Legislation of Ukraine // DOI <https://doi.org/10.33270/04202002.21> Journal volume & issue Vol. 10, no. 2 pp. 21 – 32 // doaj.org
17. Andrii B., Oleksandr K., Volodymyr A., Roman T. Problems of classification of criminal offenses related to corruption // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues Volume 23, Issue 4, 2020
18. uznews.uz
19. advice.uz

20. См. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности // <https://lex.uz/docs/97661>
21. Игнатенко О. Как наказывают за взятки в разных странах // ilex.by